

Пожар

Автор:

Иван Мордвинкин

Пожар

Иван Александрович Мордвинкин

Грех напрочь выжигает душу, не зря ад представляется огнем. Но в нынешнем веке мы можем и не жечься его пламенем, стоит только прикрыться от его жара самооправданием, осуждением, высокомерием, ложью, клеветой и всякой иной неправдой. А что, если отбросить ложь и посмотреть внутрь себя без лести? Будет больно, очень больно. Впрочем, лекарства есть...

Иван Мордвинкин

Пожар

Дом архитектора, изюминка всего микрорайона, а по определению самого архитектора – и всего города украшение, сгорел. Новостные сводки деланно-тревожными голосами протараторили об отсутствии жертв, пожарные машины, лениво гудя, расползлись по своим сонным гаражам, а соседи вернулись к телевизорам и уютным кухням, где уже созрели вечерние сериалы.

Но пожара без жертвы не бывает: например, Петр Олегович, тот самый архитектор, повредился в своем сердечно-сосудистом составе и разгорячился аж до нервного срыва. В стационаре городской больницы он до желтизны лица был прокапан и проколот, напичкан, восстановлен, успокоен и выдворен по типовому маршруту – больница, аптека, дом.

Домом для них с женой теперь служила хижина, прикупленная когда-то Петром Олеговичем по случаю увлечения садовыми деревьями и ландшафтным дизайном, навыки которого он и оттачивал на этой неудобнице, прилипшей к северной кромке города.

В последние годы, однако ж, хозяин на дачу являлся редко, ибо, как говаривал он частенько, не давалась ему сельская жизнь с ее пылью, гниением органики и ордами мух и комаров, которые составляли целые многосложные цивилизации вокруг соседских коз, коров и их навоза во всех его разновидностях и сочетаниях.

Правда сказать, если б заглядывал Петр Олегович внутрь себя, то заметил бы и другие преткновения. А именно, отталкивала его странноватая деревенская плотность населения, при которой телесно все живут друг от друга дальше, чем в городской застройке, а в душевном смысле – куда ближе и нагляднее городских.

При такой общинности очень скоро деревенские узнавали новичков и знались с ними потом весь остаток жизни.

И с каждым из односельчан нужно было поздороваться, даже если приветствие это больше походило на презрительный плевок. С каждым, если уж не повезло встретить кого из доброжелателей посреди улицы, нужно остановиться для беседы, порасспрашивать, да поотвечать. И таким заходом всякий сосед выведает из тебя все обо всем, да так, что почувствуешь себя будто насильно раздетым и выставленным на обозрение.

А в конце такой беседы, мучительно долго, в несколько попыток, прощаясь, еще обременит тебя собеседник и бесполезными советами, напрочь лишенными какой-либо компетентности. Но с таким твердым видом исполненным достоинства, как будто советы эти – не рекомендация, а Великий наказ на все грядущие поколения твоих потомков.

Ну а уж если оказать кому мелкую услугу, вроде одолжения лопаты (которую, кстати, никогда не вернут назад) или ненароком пугнуть курицу, которую хмурая и сварливая хозяйка пытается загнать обратно во двор, и тем самым как-бы невольно помочь соседям, то те, в приступах необъяснимой роднящей тяги, уж и вовсе набиваются на чай, несут свои пироги или обсиживают твою

скамейку, готовые часами болтать ни о чем и считающие тебя чуть ли не своей вековой родней.

Но столь тесной близости с чужими людьми Петр Олегович не понимал, не желал и, честно сказать, не выносил. Потому и на работе, например, где он пользовался уважением и даже почтением, он держал назойливых и склонных к фамильярности сослуживцев на расстоянии, защищаясь напускной холодностью и равнодушием. Да и как иначе?

Молодые, которые дипломы купили, а на работу в бюро устроились “за красивые глазки”, напирали с неистовой дерзостью, какая и стоящим специалистам была бы непозволительна. А все потому, что интриганы, хитрецы и корыстники, желающие пробраться повыше, и устроиться поуютнее. И чтоб все это за чужой счет.

Вот и теперь, стоило Петру Олеговичу провалиться в вязкое месиво болезни и беды, тут же нашли ему замену, сместили, понизили и усадили в крошечное кресло в кабинетике без окон. Выдающегося архитектора ткнули на выдачу глупых справок и выписок! Конечно, лицемерно прикрылись извечными лучшими побуждениями. Для него, де, так будет проще и легче с его-то пошатнувшимся здоровьем.

Петр Олегович хорошо знал олуха, занявшего его должность, знал дерзкую хватку этого нового недоархитектора. И его профессиональную пустоту и нелепость.

А потому Петр Олегович внутренне сник и снизился. На работе он был просто машинкой по выдаче бумажек, а дома – бездельным и неуспешным дачником, от которого теперь даже назойливые соседи шарахались, как мухи от дихлофоса. Не любили они бездельников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/mordvinkin_ivan/pozhar

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)